

Сказки братьев Гримм. Девушка Малейн (Дева Малейн)

Жил да был некогда король, у которого единственный сын задумал свататься к дочери могущественного короля, дивной красавице по имени Малейн. В сватовстве королевичу было отказано, потому что отец-король хотел выдать свою дочь за другого.

Но так как юноша и красавица-королевна крепко друг друга полюбили, то они не хотели отказаться от надежды на свой союз, и Малейн твердо сказала отцу: «Не хочу и не могу никого иного избрать себе в супруги».

Тогда отец-король прогневался и приказал построить мрачную башню, в которую бы не западал ни один луч солнечный, в которую бы и месяц светить не мог.

Когда башня была закончена, тогда король сказал дочери: «Ступай и сиди там семь лет сряду, а просидишь семь лет, так я приеду к тебе, посмотрю, будешь ли ты еще упрямитесь».

На семь лет в ту башню снесено было и пищи, и питья, а затем в нее была введена королевна и ее служанка, и были они в той башне замурованы – отлучены и от земли, и от неба.

Так и сидели они во мраке, не зная ни дня, ни ночи.

Часто ходил королевич около той башни, часто возглашал ее имя, но ни один звук извне не проникал через толстые стены. Что

оставалось им, кроме стонов и слез?

А между тем время шло да шло, и узницы по уменьшению запасов питья и пищи стали замечать, что семилетие близится к концу. Они думали, что миг избавления их из страшной тюрьмы уже наступает, но, к удивлению своему, не слышали ни одного удара молотком в их стену, и ни один камень из нее не собирался выпасть; казалось, отецкороль совсем и забыл о них.

Когда уж у них оставалось очень немного пропитания и ужасная смерть представлялась им близкой, тогда королева Малеев сказала: «Мы должны решиться на последнее средство – попытаться пробить стену нашей тюрьмы».

Взяла она большой хлебный нож, стала им раскапывать известку около одного камня, а когда, бывало, уставала, то ее заменяла в той же работе служанка.

После усиленного труда им удалось вынуть один из камней, а потом и другой, и третий...

И вот через три дня первый луч света проник во мрак их тюрьмы, и наконец отверстие, сделанное в стене, стало настолько велико, что они уже могли из башни выглянуть на свет Божий. Небо было голубое, и свежий воздух теплою струей веял им в лицо но как же было печально все кругом!

Отцовский замок лежал в развалинах, город и окрестные деревни (насколько можно было окинуть взглядом) сожжены, а поля и вширь и вдаль опустошены...

Нигде не видать было души человеческой!

Когда им удалось настолько расширить отверстие в стене, что они уже могли через него вылезть, то сначала спрыгнула на землю служанка, а затем сама королева Малеев. Но куда же они должны были направиться?

Враги опустошили все королевство, прогнали короля, всех жителей истребили.

Пришлось им искать приюта в другой стране, но нигде не находили они себе надлежащего крова, нигде не встречали человека, который бы им дал хоть кусочек хлеба, и нужда, теснившая их, была настолько велика, что приходилось питаться даже крапивой.

Когда же наконец после долгого странствования они пришли в

другую страну, то всюду предлагали свои услуги; но где ни стучались в двери, всюду встречали отказ и никто не хотел над ними сжалиться.

Наконец они пришли в большой город и прежде всего направились к королевскому дворцу; но и там их не приняли, и только повар, сжалившись над бедными скиталицами, оставил их при кухне судомойками работать.

Сын того короля, в стране которого они находились, и был суженым красавицы Малеев. Отец же предназначил ему в невесты другую, которая так же была дурна собою, как и зла. День свадьбы уже был назначен, и невеста приехала, и, сознавая свое безобразие, она никому не показывалась, заперлась в своей комнате, и королева Малеев должна была ей носить кушанье из кухни.

Когда наступил день свадьбы и невесте предстояло идти с женихом в кирху, то она, стыдясь своего безобразия, стала опасаться, что, если покажется на улице, то ее, может быть, осмеют в толпе народа. Вот и обратилась она к красавице Малеев и сказала: «Тебе предстоит большое счастье, я себе намяла ногу и потому не могу перейти через улицу: надень мой свадебный наряд и стань на мое место. Такой-то чести тебе и вовек не дожидаться!»

Но красавица Малеев от этой чести отказалась и сказала: «Не желаю никакой чести, не подобающей мне».

Напрасно та даже и золото ей предлагала.

Наконец она сказала гневно: «Если ты меня не слушаешь, то поплатишься жизнью, мне стоит только слово сказать – и голова твоя падет к твоим ногам».

Тогда Малеев должна была повиноваться и надеть свадебный наряд и убор невесты королевича.

Когда она вступила в королевский зал, все были изумлены ее красотой, и король сказал: «Вот невеста, которую я тебе избрал, ты ее должен вести в церковь».

Жених был очень этим удивлен и поражен: «Она похожа на мою красавицу Малеев, и я даже готов был бы думать, что это она сама, – но та, увы! – уже давно сидит замурованная в башне или, может быть, даже умерла».

Он взял ее за руку и повел в кирху. По пути в кирху попался им крапивный куст, и она сказала:

Крапивушка!

Крапивушка ты моя,

Что стоишь понурая?

Я, когда в беде осталась,

Лишь тобой, Крапивушка,

От голода спасалась.

«Что ты такое говоришь?» – спросил королевич. «Так, ничего. Только вот вспоминаю о Малеен».

Он удивился тому, что она знает его милую, но смолчал.

Когда они переходили по мосточку, который вел к кирхе, Малеен опять сказала:

Мостик мой, не обломись!

Ты, жених, не обманись!

«Что ты такое говоришь?» – спросил королевич. «Так, ничего.

Вспомнилась мне бедная Малеен». – «Да разве ты знаешь Малеен?»

– «Нет, как мне ее знать! А так, слыхала о ней».

Подойдя к дверям кирхи, она опять проговорила:

Дверь, с петельки не сорвись!

Ты, жених, не обманись!

«Да что ты такое говоришь?» – спросил жених. «Да вот только что о бедной Малеен вспомнила».

Тогда он вынул драгоценное ожерелье, повесил ей на шею и скрепил кольца его цепи. Затем они вступили в кирху, священник соединил их руки и обвенчал их.

Королевич повел ее обратно, но она во все время пути не произнесла ни слова.

По прибытии в королевский замок она поспешила в комнату невесты, сняла с себя подвенечное платье и убор невесты, надела свое серое простенькое платьице и сохранила только то ожерелье на шее, которое надел на нее королевич.

Когда наступила ночь и новобрачная должна была идти в комнату королевича, то она опустила покрывало на лицо свое, дабы он не заметил обмана.

Когда они остались одни, он сказал ей: «Что же ты такое говорила, обращаясь к крапивному кусту, что при дороге стоял?»

– «К какому крапивному кусту? – спросила она. – Никогда я ни с каким крапивным кустом не разговаривала». – «Коли ты этого не делала, так, значит, ты не настоящая моя невеста», – сказал он.

Тогда она не растерялась и сказала:

Я пойду к служанке, может,
Вспомнить мне она поможет.

Она вышла из комнаты и спросила у красавицы Малеен: «Ты что это крапивному кусту говорила?» – «А только всего и сказала:

Крапивушка!

Крапивушка ты моя,
Что стоишь понурая?
Я, когда в беде осталась,
Лишь тобой, Крапивушка,
От голода спасалась».

Невеста, услышав это, прибежала обратно в опочивальню и сказала: «Знаю я, что я крапивному кусту говорила!» – и повторила только что слышанные ею слова.

«А что ты говорила мосточку перед кирхой, когда мы через него переходили?» – «Мосточку перед кирхой? – отвечала она. – Я никогда с мосточком не разговаривала». – «Значит, ты не настоящая невеста».

И опять она сказала:

Я пойду к служанке, может,
Вспомнить мне она поможет.

Выбежала и опять давай красавицу Малеен расспрашивать: «Ты что там мосточку перед кирхой сказала?» – «А только и сказала:

Мостик мой, не обломись!
Ты, жених, не обманись!»

«За это ты мне жизнью заплатишься!» – воскликнула невеста и поспешила в опочивальню королевича, и сказала: «Теперь знаю, о чем я с мосточком говорила!» – и повторила слова Малеен.

«А что ты говорила, обращаясь к двери кирхи?» – «К двери

кирхи? Да я никогда с дверью не разговаривала». – «Ну, значит, ты не настоящая невеста».

Та опять вышла из опочивальни, опять стала красавицу расспрашивать: «О чем ты там с дверью кирхи говорила?» – «А только и сказала:

Дверь, с петельки не сорвись!
Ты, жених, не обманись!»

«Тебе за это шею сломить следует! – воскликнула невеста в величайшем бешенстве, однако же поспешила в опочивальню и сказала королевичу: – Знаю, знаю, что я двери кирхи говорила!» – и повторила слова королевны.

«Но где же у тебя то ожерелье, которое я тебе дал у дверей кирхи?» – спросил он. «Какое ожерелье? Ты мне никакого не давал!» – «Сам я его тебе на шею повесил, сам и застегнул: коли ты этого не знаешь, то ты не настоящая невеста».

Он сдернул ей покрывало с лица, и когда увидел ее ужасное безобразие, то отскочил от нее и сказал: «Как пришла ты сюда? Кто ты?» – «Я – твоя нареченная невеста; но так как я боялась, что люди, увидев меня, станут надо мною смеяться, то я приказала судомойке одеться в мое подвенечное платье и вместо меня идти с тобою в кирху». – «Где же она? – воскликнул королевич. – Я хочу ее видеть; ступай и приведи ее ко мне!»

Та вышла и сказала слугам: «Эта судомойка – обманщица! Сведите ее во двор и отрубите ей голову».

Слуги ухватили было красавицу Малеен, но она так громко стала призывать на помощь, что королевич услышал ее голос, поспешил из своей комнаты и приказал слугам немедленно выпустить девушку на свободу.

Принесли свечи, и тогда он заметил у нею на шее то золотое ожерелье, которое он надел на нее перед дверьми кирхи.

«Ты – настоящая моя невеста! – сказал королевич. – Ты со мною и в кирху шла, приди же теперь ко мне в опочивальню».

Когда они остались наедине, он сказал ей: «Ты в то время, как мы шли к кирхе, упоминала о красавице Малеен, моей нареченной невесте; если бы я думал, что это возможно, то я готов был бы

верить, что она стоит передо мною: так поразительно ты на нее похожа».

И она отвечала: «Ты и точно видишь перед собою невесту Малеен, которая из-за тебя семь лет просидела во мраке темницы, голод и жажду вынесла и долго-долго жила в нужде и бедности; но сегодня и на меня просияло солнышко красное. Я с тобой в кирхе повенчана, я тебе законная супруга».

Они поцеловались и счастливо стали поживать до конца дней своих.

А ложной невесте за ее коварство отрубили голову.

А башня, в которой сидела девица Малеен, стояла еще долго-долго, и проходившие мимо дети пели:

Дин-дон, дин-дон!
Кто в той башне заключен?
Это дочка короля,
К ней войти никак нельзя.
Этих стен не сокрушить,
Камни эти не свернуть,
Милый Гансик, только ты
Проведешь меня туда.

Загрузка...